

Докладная записка Всероссийского Союза евангельских христиан в Совнарком РСФСР (октябрь 1920 г.)

Публикация М. Ю. Крапивина

Политика большевиков в религиозном вопросе, несмотря на свою очевидную идеологическую заданность, не была лишена известного прагматизма и вариативности. Конкретное развитие событий на антирелигиозном фронте всегда зависело от целого ряда обстоятельств, менявшихся с течением времени, в частности от партийных установок по основным вопросам социально-политической жизни. Естественно, что при нейтрализации религиозных влияний особое внимание концентрировалось на Православной Российской Церкви (далее — ПРЦ), как «части старого государственного аппарата и защитнице интересов имущих классов». Вместе с тем потребность в укреплении отношений властных структур с национальными массами, установлении смычки города и деревни не исключала возможности предоставления неправославным (сектантским, этноконфессиональным и др.) объединениям некоторых преимуществ и льгот (в ряде случаев выходявших за рамки действовавшего законодательства о культурах), носивших, правда, временный характер, не гарантировавших права на свободу совести и не избавлявших конфессиональные меньшинства от перманентного вмешательства госструктур во внутреннюю жизнь религиозных общин¹.

До Октября 1917 г. сектантов на территории Российской империи насчитывалось (всех вместе: и членов старорусских сект, и членов конфессиональных объединений протестантской вероисповедной ориентации²) примерно 500 тыс. человек (в том числе 200 тыс. баптистов и евангельских христиан)³. Количественные данные за 1919–1921 гг. колеблются от 1,5 до 10 млн человек, по более взвешенным оценкам — 5–6 млн (результат зависел, среди прочего, от методики подсчетов, в частности, от того, учитываются ли только полноправные общинники или принимаются во внимание также члены их семей и так называемые «приближенные»)⁴.

**Крапивин Михаил
Юрьевич,**

*доктор исторических наук, профессор,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург)*

Ломка привычного быта в первые послереволюционные годы порождала у людей стремление обрести надежную «небесную» опору. Однако ПРЦ оказалась в числе гонимых новой властью конфессий. Напротив, тот, кто раньше боялся открыто примкнуть к сектантам, теперь получил возможность беспрепятственно это сделать. Сектанты умело воспользовались трудностями, переживавшимися Православной церковью в первые послереволюционные годы. Кроме того, они извлекли выгоды из узко антипоповского (то есть сориентированного исключительно лишь на особенности православного культа) характера антирелигиозной пропаганды, из ряда принятых советской властью политических и хозяйственных решений, создававших благоприятные условия для миссионерской деятельности сектантских общин. Сектанты расширяли масштабы прозелитизма из года в год, ведя агитационно-пропагандистскую работу во всех возможных формах, на дому и на улице, в иноконфессиональной среде и среди неверующих, на русском и на других языках народов России. Отхлынувшие от ПРЦ массы среднего крестьянства и средних городских слоев по большей части не ринулись в «безбожие» (требовавшее наличия определенной, особенно в деревне, экономической базы, образовательного уровня, «известной революционности», если хотите). Сектантство, по сути, оказалось срединной (между двумя крайностями — ортодоксальной Православной церковью и атеизмом) идеологией, в наибольшей степени удовлетворявшей образу жизни и мировоззрению мелкого товаропроизводителя города и деревни, ставшего центральной фигурой в сектантстве. Впрочем, пополнялись общины и за счет бедняков, «искавших сектантских хозяйственных выгод» (эффект взаимопомощи), и за счет кулаков, спасавшихся от принудительного уравнения⁵.

Вопрос об общественно-политической позиции сектантских объединений в первые послереволюционные годы, об их отношении к действиям новой власти — весьма деликатный. Как уже было сказано, у сектантов отсутствовала практика принятия общеобязательных решений. Каждая община в этом смысле была самодостаточна, являясь самостоятельным, автономным образованием, определявшим свою текущую деятельность независимо не только от светских властей, но и вышестоящих надобщинных структур. Союзные объединения координировали миссионерскую, просветительскую, благотворительную деятельность, но не осуществляли властных функций и не были наделены правом контроля над повседневной жизнью общин. Центральным структурам было предоставлено лишь право формулировать пожелания, носившие главным образом рекомендательный характер⁶. Поэтому невозможно и некорректно пытаться вывести общую, солидарную позицию тех или иных сектантских объединений (лидеры которых к тому же были зачастую далеко не едины в своих взглядах, симпатиях и предпочтениях) по поводу российских общественно-политических процессов.

Связь Православной церкви со структурами монархического государства была прямой и вызывающе откровенной. У гонимого сектантства связь с интересами имущих классов была значительно более опосредованной. Октябрь 1917 г. перечеркнул многие социально-

экономические планы и начинания руководителей ведущих сектантских объединений (в первую очередь, протестантской вероисповедной ориентации), однозначно связывавших свое будущее с буржуазно-парламентским строем. Вместе с тем Декрет об отделении церкви от государства 1918 г. снял формальные преграды на пути роста численности сектантских общин и устранил препятствия, мешавшие ведению сектантами активной миссионерской деятельности в иноконфессиональной среде. Однако сектанты не спешили оказывать открытой поддержки новой власти. В частности, их смущал заявленный большевиками курс правительственной политики по отношению к конфессиональному образованию (имеется в виду запрет организованного преподавания основ вероучения несовершеннолетним). Руководители общин заявляли, что согласно их вероисповедным принципам принятие крещения (происходящее, как правило, в сознательном возрасте) невозможно без предварительного ознакомления с догматами веры.

Кроме того, сектанты были убеждены в пагубности и бесполезности методов революционного насилия, практиковавшихся большевиками, противопоставляя «внешней» революции — «революцию духа» (то есть пробуждение в народе религиозного духа, могущего влиять на судьбы общества). Неизменно подчеркивая, что участие верующих в политической борьбе есть нарушение важнейших религиозных заповедей, идеологи большинства сект высказались категорически против вступления членов общин в ряды действующих общественно-политических объединений, программы которых зачастую требуют осуществления насилия в отношении своих ближних (дескать, мы все уже — члены партии Христа)⁷.

Периодическая печать сектантских объединений пестрила призывами к противоборствующим сторонам гражданской войны прекратить братоубийственный кошмар, свергнуть идолов партийного недомыслия, протянуть друг другу руки и решить споры, невзирая на социально-классовые различия. Отражая настроения средних слоев города и деревни, сектантство стремилось избегать прямой политической конфронтации с новым режимом, предпочитая занимать в разгоравшемся противостоянии нейтральную (по возможности) позицию, представляясь со стороны островком ненасилия, внеклассовой сплоченности и братских отношений. Вместе с тем сектантские проповедники пытались вызвать у верующих отрицательное отношение к марксизму как учению, не совместимому с социально-этической программой христианства, неустанно предвещая неминуемое крушение всех начинаний безбожных строителей нового общества⁸.

Учтем, однако, что Октябрь 1917 г. обострил и углубил процесс социального размежевания и социально-политической дифференциации в сектантской среде, обозначившийся еще в дореволюционное время. В низах религиозного сектантства зрели и развивались сочувствие, и нередко — стремление оказать деятельную поддержку мероприятиям советской власти. Баптистский официоз «Слово истины» неслучайно подчеркивал (1918 г.), «что многие бедные братья хотят получить землю и все счастье из рук социалистов, которые не признают Бога...»⁹ Поэтому руководство, прилагавшее максимум усилий для того, чтобы навязать рядовым членам

общин собственную точку зрения на события, происходившие в обществе и стране, вынуждено было, тем не менее, учитывая настроения широких сектантских масс, пробужденных революцией к социальной активности, вносить коррективы в линию своего поведения¹⁰.

После того как советская власть продемонстрировала свою жизнеспособность и в то же время предприняла (весна–лето 1919 г.) ряд шагов, направленных на завоевание симпатий как со стороны среднего крестьянства, так и, соответственно, широких сектантских масс, наступил прорыв во взаимоотношениях, выразившийся со стороны сектантских лидеров в предложении новому режиму своих услуг в реализации мирных народно-хозяйственных планов. К приоритетным сферам сотрудничества с властью сами сектанты относили борьбу с нищенством, проституцией, эпидемиями, беспризорностью и, естественно, сельское хозяйство и кустарные промыслы¹¹. Правда, возможность сотрудничества оговаривалась рядом предварительных (сопутствующих) условий¹². Настаивая на том, что их диалог с государством должен строиться на основе свободного волеизъявления и исключать принуждение в любой форме, сектанты в то же время претендовали на предоставление ранее гонимым исповеданиям особого вероисповедного статуса, некоей юридически-вероисповедной экстерриториальности (в обход базового Декрета 1918 г., имевшего, по их мнению, отношение лишь к тем вероисповедным объединениям, которые в прошлом «находились в соединении с буржуазно-монархическим государством»). Пакет сектантских пожеланий включал следующие требования: 1) неприкосновенность имущества (молитвенные помещения, построенные общинами на собственные средства, принадлежащие им типографии, денежные суммы, собранные общинами в форме добровольных взносов, не должны были подлежать обложению, реквизиции и даже временному переходу в чужие руки); 2) наделение сектантских сельскохозяйственных и промышленных кооперативов, товариществ по обработке земли и коммун рядом привилегий, «равновеликих» получению ими прав юридического лица (чего не имела ПРЦ и другие конфессиональные объединения); 3) предоставление возможности общинам воспитывать детей в соответствии со своими вероисповедными правилами и традициями; 4) создание условий для ведения ничем не ограниченной миссионерской работы (благовестникам свободно осуществлять передвижения по стране, пресвитерам и проповедникам не отвлекаться на трудовые мобилизации и пр.). При этом местные власти «должны» были помогать сектантам в решении вопросов отопления, освещения, приобретения бумаги; обеспечить введение льготного налогообложения и т. д. Претензии сектантских объединений на обретения ими значительных привилегий в экономической и политической сферах жизни общества аргументировались тем соображением, что сектанты своей многолетней борьбой за свободу совести заслужили благодарность трудящихся страны советов: «их христианский способ борьбы без насилия путем молитвы и терпения пробивал брешь в закоснелой совести сотрудников старого режима и делал их авангардом в общей борьбе за освобождение России» (см. публикуемые ниже документы).

В руководстве страны возникли ожесточенные споры о границах и формах возможных уступок сектантам¹³. Скажем, право последователям сектантских исповеданий на прохождении так называемой альтернативной службы (Декрет СНК от 4.01.1919 г. «Об освобождении от воинской повинности по религиозным убеждениям»¹⁴) было предоставлено не без колебаний¹⁵, и лишь памятуя об «антимонархическом прошлом» сектантов, подвергавшихся жестоким преследованиям со стороны царизма и Православной Церкви¹⁶. Часть партийно-советской номенклатуры полагала, что многие рядовые общинники с радостью принимают новый строй общественной жизни, хотя и не готовы сразу порвать с привычными для них стереотипами, понятиями и представлениями. Поэтому советская власть была расположена (первоначально, по крайней мере) идти сектантству на известные уступки, правда, чаще всего в хозяйственной области.

Вместе с тем, несмотря на немногочисленность фактов, дававших основание заподозрить сектантов (и то лишь некоторых из них) в политической нелояльности (имеются ввиду ставшие известными сведения о сотрудничестве членов ряда сектантских общин с белогвардейцами и бандами «зеленых»)¹⁷, и наличие не меньшего количества ярких примеров активной политической, в том числе вооруженной поддержки ими власти советов (новоизраильтяне; молокане; духоборцы¹⁸), информация негативного свойства зачастую оказывалась преобладающей и использовалась для формулировки обобщающих выводов о якобы имевшем место массовом участии членов общин в борьбе против большевиков.

Нетрудно предположить, что теоретические постулаты и каждодневная практика сектантских объединений все более вступали в противоречие с официальной линией большевистской партии и советского правительства. Призывы к классовому миру, отмене смертной казни и прекращению гражданской войны; аполитизм и вызывающий антимилитаризм, стремление к самостоятельной организации хозяйственной жизни, намерение сектантов решать вопросы образования, воспитания, социального обеспечения помимо соответствующих государственных органов путем создания своих собственных параллельных структур в конечном итоге были расценены большей частью советских функционеров как стремление сектантов «подновить» религиозность масс, перехватить инициативу у партии и государства в удовлетворении насущных нужд населения, подменить соответствующие советские и партийно-комсомольские организации в деле воспитания подрастающего поколения, отвлечь трудящихся от непосредственного участия в социалистическом строительстве, в общественной и культурной жизни, от исполнения гражданского долга по вооруженной защите республики рабочих и крестьян¹⁹.

В партийно-государственных «верхах» достаточно быстро сформировалось мнение, что сектанты используют предоставленные им льготы в отношении замены строевой службы другими общегражданскими обязанностями в агитационных целях для привлечения в сектантскую среду молодежи, при этом ведут анархо-антимилитаристскую пропаганду, направленную на ослабление мощи Красной Армии и подрыв обороноспособности страны, «покровитель-

ствуют отказничеству и даже его иницируют»²⁰, полагая, что проблема службы в армии является исключительно делом совести каждого отдельно взятого человека, вне зависимости от его религиозных убеждений, и поэтому, если сам человек не желает становиться убийцей, ему в этом благородном порыве нужно и можно помочь всеми доступными способами²¹.

Особую опасность, с точки зрения компетентных органов, представляло наличие в принципах организационного построения управленческого аппарата сектантских объединений (протестантской направленности, в первую очередь) того, что принято именовать феноменом партийности: единство целей, методов и форм работы. Чекисты полагали (но не всегда справедливо), что традиционно высокая самостоятельность общин превращается в фикцию деятельностью центральных структур, негласно контролирующих внутреннюю жизнь братства²².

Все вышесказанное постепенно вело к изменению тональности во взаимоотношениях государственных органов и сектантства, росту взаимного недоверия, усиливало противоречия властных структур с сектантами и минимизировало шансы последних обеспечить для себя компромиссные, взаимоприемлемые условия сосуществования бок о бок с богоборческим государством.

Начиная уже с конца 1918 г., сектанты (особенно на периферии страны) указывали на многочисленные примеры стеснения свободы совести, имея в виду изъятие молитвенных помещений под военные и общегражданские нужды, конфискацию типографского оборудования, ведение систематической слежки за сектантскими лидерами (с середины 1919 г.) и аресты религиозных активистов²³. Декрет об альтернативной гражданской службе был дополнен сводом процедурных правил, ужесточивших процесс замены общевоинской службы на вневоинскую, существенно ограничен в своем действии подзаконными актами (лето–осень 1919 г.; декабрь 1920 г.²⁴) и последующими истолкованиями в центре и на местах. Суды отказывались признавать возможность внутренней духовной эволюции человека, ранее пацифистом не являвшегося, но при виде ужасов мировой и гражданской войн занявшего стойкие антимилитаристские позиции²⁵. Освобождаемых от строевой службы предписывалось направлять на работы, отличавшиеся особой тяжестью и опасностью для жизни²⁶.

Впрочем, большинство сектантских лидеров многочисленные факты нарушения законодательства о культах со стороны государственных органов в годы гражданской войны относили на счет произвола главным образом местных инстанций, ведя речь о спонтанной реакции властей на сиюминутно возникавшие текущие проблемы и отказываясь верить, что вожди Октябрьской революции могли бы выступать инициаторами спланированной и целенаправленной репрессивной кампании по отношению к трудящимся массам из числа верующих. Вместе с тем сектантские авторитеты нередко высказывали опасения, как бы «полнейшая нетерпимость представителей власти к инакомыслящим людям», полное непонимание религиозной психологии, стремление «рассматривать всякое явление религиозной жизни почти как

государственное преступление» не переросли в систему «откровенных преследований за религиозные убеждения»²⁷.

№ 1

**Докладная записка Всероссийского Союза
евангельских христиан в Совнарком РСФСР**

*[не позднее 14 октября 1920 г.]*²⁸

В СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ

От СОВЕТА ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА Евангельских Христиан²⁹

Д о к л а д н а я З а п и с к а

Состоявшийся в г. Москве с 27 Мая по 7 Июня с. г. 7-й Всероссийский Съезд евангельских христиан уполномочил Совет своего Союза обратиться к Совету Народных Комиссаров с разъяснением правового положения народных религиозных общин, именуемых общинами евангельских христиан и принадлежащих в своей массе к трудящемуся классу Республики.

Все, что будет сказано в этой записке относится в равной степени и к баптистам и ко всем свободоверующим в России.

После многих лет жестоких³⁰ гонений за веру при старом режиме евангельские христиане с великою радостью приветствовали наступление свобод провозглашенных революцией и в особенности опубликование законов, изданных Советской властью 1) как-то: Конституции Р.С.Ф.С.Р.³¹ 2) Декрета об отделении церкви от государства³². 3) Декрета от 4-го Января 1919 года об освобождении от военной службы по религиозным убеждениям. По общему своему смыслу указанные законы имеют своею целью обеспечить за всеми гражданами Республики: 1) свободу совести в самом ближайшем значении слова, т. е. в смысле устранения всяких актов государства, которые стесняли бы совесть граждан и их объединений, 2) свободу внешнего сказательства религии, т. е. свободу совершения обрядов согласно верованиям, свободу устройства собраний, шествий и т. п. и 3) свободу религиозной проповеди.

На основании указаний практического опыта приходится, однако, констатировать что означенные законы не вполне достигают своей цели и что в них требуются значительные дополнения и изменения.

1) Статью 12-ую Декрета об отделении церкви от государства религиозная община лишены права юридического лица.

Здесь уместно указать, что по самому своему смыслу закон об отделении церкви от государства в целом и частях должен был бы применяться исключительно к той церкви

или к тем церквам, которые были в соединении с государством и пользовались разными благами от него и ни в коем случае он не может быть применен к тем религиозным организациям, которые не были соединены с государством и не пользовались никакими правами. К таким именно организациям и относятся все свободоверческие (так называемая сектантская) общины, которые до революции не только не были в соединении с государством и не пользовались никакими правами от него, но и преследовались государством, как нежелательные для него общественные образования, исходившие от народа. Поэтому было бы справедливым разъяснить уже теперь, что Декрет об отделении церкви от государства относится к тем церковным организациям, которые до издания декрета находились в соединении с государством и что их нельзя применять к народным религиозным организациям (свободоверческим обществам, общинам, братствам и группам,) которые никогда не стояли ни в какой связи с государством. По отношению к последним следовало бы издать особый декрет, которым справедливо бы признать за ними право юридического лица и т. п.

В настоящее время вследствие применения декрета об отделении церкви от государства к свободоверческим общинам и в частности к общинам евангельских христиан создано такое положение, что означенные общины не могут иметь: 1) своих собственных молитвенных домов. 2) учебных заведений и 3) учреждений социального обеспечения.

В практике жизни эта статья в отношении молитвенных домов приводит к тому, что а) в некоторых местностях у общин отнимаются молитвенные дома и передаются в собственность и контроль совдепов, что устанавливает самую тесную связь между религиозной организацией и государством вопреки смыслу декрета об отделении церкви от государства и стесняет чувство внутренней независимости данного религиозного объединения граждан; 2) в других местах принадлежащая евангельским христианам молитвенные помещения реквизируются для военных и других целей, так что общины остаются без помещений и собраний. В) Запрещаются собрания даже в свободное от занятий время в помещениях школ, концертных зал и т. п. г) конфискуются деньги, собранные общинами для постройки или приобретения молитвенных домов. Так было в Петроградской Народной Общине евангельских христиан, которая кроме того лишилась двух помещений для своих религиозных собраний: 1) в Тенишевском зале Моховая, 33 и Фонарном пер., д. № 4/9.

При таких условиях в некоторых местах общины не имеют возможности держать своих религиозных собраний, что является большим стеснением их совести.

2) Невозможность открывать, содержать на свои средства и обслуживать своим преподавательским составом школы затрагивает самую глубины религиозной совести. У всякого религиозного человека есть неискоренимое стремление строить жизнь свою и своей семьи на основе указаний своей совести и веры. Свобода совести не мыслима без права для верующей личности воспитывать своих детей в духе своего религиозного мировоззрения.

Всякий акт государства, направленный к тому, чтобы отнять это право от верующих родителей, был бы прямым нарушением коренных прав свободы совести.

Между тем при настоящем порядке вещей религиозные общины не могут осуществить своего естественного права иметь свои школы для малолетних, для обучения их в духе своего мировоззрения и тем невольно испытывают стеснения в своей совести.

3) Однородное стеснение совести испытывается евангельскими христианами в отношении учреждений социального обеспечения: приютов и т. п., так как и здесь вопрос связан с правом верующих воспитывать своих детей в духе их веры. Московская Община имела детский приют в окрестностях Москвы на попечении члена общины Ф. С. Савельева. Этот приют был у нея отнят и передан в ведение людей совершенно безрелигиозных, что является тяжким ударом для религиозной совести членов означенной общины и родственников детей.

4) Закон 4-го Января 1919 г. освобождает религиозных лиц от употребления оружия, но не от самой военной службы. Следствием этого является следующее обстоятельство.

Во многих общинах оказались мобилизованными ответственные работники общин евангельских христиан: пресвитера, учителя (проповедники), диаконы.

При ходатайствах по закону 4-го Января 1919 г. удавалось освобождать их от употребления оружия, но не от самой военной службы.

Результатом этого явилось то, что многие общины остались без руководителей и ответственных работников, а Всероссийский Союз евангельских христиан лишился многих своих разъездных благовестников, отчего сильно страдает общее духовное состояние общин и религиозная совесть их членов.

Единственным выходом из этого положения является издание закона на основании которого ответственные работники народных религиозных общин освобождались бы совершенно от военной службы, а также от всякого рода трудовых и иных мобилизаций. Последнее вполне справедливо, ибо работники в общинах несут ответственный и тяжелый труд в непосредственном общении с народом и на его пользу.

В виду того, что для правильного духовного развития общин необходимо посещать их благовестниками, а с другой стороны, принимая во внимание, что разъездные благовестники Всероссийского Союза евангельских христиан являются борцами против религиозных суеверий и невежества, а также устроителями всеобщин (христианским коммун), трудовых общин, земледельческих артелей и т. п. и таким образом участвуют в государственном строительстве, что чрезвычайно важно, чтобы они имели право свободного проезда по путям сообщения республики. До сих пор во многих случаях удавалось получать разрешения на проезд для благовестников Всероссийского Союза евангельских христиан, но вместе с тем очень часто важные поездки благовестников делались невозможными вследствие неполучения пропусков, чем причинялся духовный и материальный ущерб народным общинам и их Союзу.

Поэтому было бы необходимо издать распоряжение о непременном удовлетворении просьб народных общин евангельских христиан и их Всероссийского Союза о разрешении на проезд по путям сообщения Республики согласно выдаваемым общинами и Союзом командировочных удостоверений.

Встречаются препятствия и в экономической жизни. Во многих местах России евангельские христиане приступают к устройству всеобщин (христианских коммун,) трудовых общин и земледельческих артелей. Иногда им совершенно отказывают в разрешении на устройство таких общин или чинят разные препятствия только потому, что у них предполагается религиозный строй.

Не мало затруднений испытывают евангельские христиане и в вопросе о снабжении своих общин необходимой духовной литературой: Библиями, Евангелиями, сборниками духовных песен и другими непериодическими и периодическими религиозными изданиями. Имевшиеся в печати издания духовного содержания (Библии, Евангелия, пр.) истощились, вследствие чего в общинах на местах ощущается в них недостаток.

Для удовлетворения духовного голода необходимо принять энергичные меры.

Необходимо немедленно же приступить к печатанию сотен тысяч Библий, Евангелий, сборников духовных песен и т. п.

Для этого нужна бумага и соответствующая типографии.

Всероссийский Союз евангельских христиан ходатайствует о предоставлении ему в полное распоряжение 3-й Государственной Типографии в Петрограде (бывш. Сидальной), приспособленной для печатания книг в массовых количествах, а также всех имеющихся в типографии матриц Библий, Евангелий и т. д.

Союз ходатайствует также о предоставлении ему права закупки бумаги в Эстонии или в каком-либо другом месте за границей и привоза ее в Россию для печатания означенных изданий, а также о таком распоряжении чтобы реквизиция бумаги сделалась невозможной.

По мимо того евангельские христиане наталкиваются на множество препятствий в деле продовольствования своих общин. Терпя крайний недостаток в предметах питания Петроградская и Московская Общины евангельских христиан до сих пор не могли получить разрешения на посылку продовольственных комиссий для доставки необходимых продуктов. Мало того, во время Всероссийского Общего Съезда евангельских христиан и баптистов (с 27 Мая по 6 Июня) в Москву прибыли два вагона с пшеницей для голодающих членов Петроградской и Московской общин. Пшеница была пожертвована единоверцами евангельских христиан и баптистов, проживающих в Оренбургской и смежной с ней губерниях. Однако оба вагона не были получены по назначению, а попали в реквизицию.

При общем недостатке питания, оскудении сил у членов общин этот факт отозвался тяжелым ударом на сознании людей труда, принадлежащих к голодающим общинам евангельских христиан и баптистов.

Случаи реквизиции жертвенных продуктов, посылавшихся для голодающих общин евангельских христиан и баптистов к сожалению повторяются тут и там, производя справедливые огорчения.

На основании вышеизложенного становится ясно, что для того чтобы вывести народные общины евангельских христиан из положения, являющегося источником стеснения и безправия, необходимо издать особый декрет относительно возникших из народа религиозных обществ, общин, братств и групп, никогда не бывших в соединении с государством, по которому эти организации должны получать права не менее тех коими наделены кооперативы, както: право юридического лица с правом владения недвижимым имуществом, устройством школ и учреждений социального обеспечения, издания своих печатных органов и с правом самостоятельного содержания и распоряжения ими: ответственные работники таких общин должны освобождаться от всякой военной и трудовой мобилизации, а в деле продовольствования им должно быть предоставлено право посылки в хлебные местности особых продовольственных комиссий, при чем доставленные ими продукты должны быть освобождены от всяких реквизиций.

Предоставление народным религиозным общинам прав равных тем, которые имеют кооперативы было бы вполне справедливым, так как в сущности религиозные общины представляют из себя кооперативы лиц, объединившихся для духовной работы. В экономической жизни он[и] имеют тяготение к кооперации и даже более того везде, где есть возможность в селах и деревнях евангельские общины устраивают религиозные всеобщины (коммуны), трудовые общины, земледельческие артели и т. п.

При таком общем стремлении евангельских христиан было бы только справедливо предоставить им права не меньше, чем права кооперативов.

Но того же требует историческая справедливость. Евангельские христиане наравне с другими единоверцами вынесли многолетнюю борьбу за свободу совести; они терпели аресты, насилия, расхищения имущества, заключения в тюрьмы, ссылку в Сибирь и все ужасы безправия при старом режиме.

Их христианский способ борьбы без насилия путем молитвы и терпения пробивал брешь в закоснелой совести сторонников старого режима и делал их аван[г]ардом в общей борьбе за освобождение России. Они были, так сказать, «совестью армии освобождения».

Следуя по стопам Того, Кто не имел где преклонить главы, Кто любил бедных, труждающихся и обремененных и устроая общины на началах равенства, евангельские христиане, в эпоху самой темной реакции подымали пролетариат нравственно и материально и открывали перед ними великия перспективы будущего.

Теперь, когда освобождение осуществлено, кажется чем то неестественным, что общины борцов за свободу совести не имеют прав юридического лица и терпят стеснения и препятствия во всех отраслях деятельности.

Это не только не справедливо, но и вредно для самого государства. Ведь кто бы и как бы ни смотрел на народные религиозные движения во всяком случае никто не может отрицать того, что они повышают нравственное и умственное развитие населения и его трудоспособность, без чего невероятно никакое прочное государственное строительство.

Из вышеизложенного ясно, что настоящее ходатайство об устранении всех стеснений в жизни народных общин евангельских христиан и вообще в жизни свободочерческих общин имеет твердое основание в общем смысле уже изданных законов, в требованиях исторической справедливости и прямых интересах государства.

Покорнейшая просьба о нижеследующем уведомить нас по адресу председателя: Ивана Степановича ПРОХАНОВА, г. Петроград, Чернышев пер. д. 12.

Председатель Совета
Всероссийского Союза Евангельских Христиан *И. Проханов*
Члены: *К. Петров*
Секретарь *П. Капалыгин*.

Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р-130. Оп. 4. Д. 286. Л. 24–27.

Машинописный подлинник с незначительной рукописной правкой. Подписи — автографы. С приложением печати «Председателя Совета Всероссийского Союза Евангельских Христиан (ВСЕХ)». Штамп входящей документации Управления делами Совета Народных Комиссаров от 14 октября 1920 г. за № 10849/ б. В левом верхнем углу первой страницы документа сохранилась рукописная делопроизводственная помета, сделанная в Управлении делами Совета Народных Комиссаров: «4 экз», подчеркнутая двойной линией. Незаверенный текст копии публикуемого документа находится на хранении в Научно-историческом архиве (в недавнем прошлом — Отдел рукописей) Государственного музея истории религии (далее — НИА ГМИР). Ф. 2. Оп. 16. Д. 164. Л. 1–2.

№ 2

Проект Декрета «О народных религиозных свободочерческих общинах и союзах, никогда не бывших в соединении с государством», предложенный Советом Всероссийского Союза евангельских христиан на рассмотрение Совнаркома РСФСР

[не позднее 25 сентября 1920 г. ³³]

(Проект Декрета.)

О народных религиозных свободочерческих общинах и союзах, никогда не бывших в соединении с государством.

Народные религиозные общины и союзы, образовавшиеся в России за последние 200 лет, как плод творчества народной религиозной мысли, первые начали борьбу за свободу совести в самую темную эпоху русской истории и вынесли всю тяжесть ее, весь ужас насилия тюрем, ссылок и кровавых пыток с мужеством и стойкостью первых христиан.

Свободоверцы были авангардом общего освобождения русского народа и заслужили признательности освобожденного пролетариата.

Народные религиозные общины не только никогда не были в соединении с государством, но старый режим стремился всеми силами подавить и искоренить их, как нежелательные для него общественные образования.

Практика показала, что очень часто и почти повсеместно к народным религиозным общинам применяется Декрет об отделении Церкви от Государства. Но это не соответствует смыслу означанного Декрета, который относится исключительно к религиозным организациям, бывшим в соединении с государством. Посему объявляется к точному сведению и исполнению, что Декрет об отделении Церкви от государства не распространяется на народные религиозные общины и союзы и в отношении последних надлежит руководиться нижеследующими правилами.

§ 1. Народные религиозные общины и союзы пользуются правами юридического лица и могут всеми законными способами приобретать и отчуждать движимое и недвижимое имущества, заключать договоры, принимать обязательства и т. п.

§ 2. На точном основании смысла § Конституции народные религиозные общины имеют право свободно, не испрашивая никаких разрешений устраивать свои религиозные собрания и съезды, как в особо приспособленных для сего зданиях, так и в публичных помещениях и жилых домах и квартирах, а также точно на улицах, площадях, в парках и т. п. при условии не нарушения общественного порядка и тишины. Народные религиозные общины имеют также право беспрепятственно устраивать торжественные шествия на улицах, населенных пунктов.

Никакая местная или другая власть не может запретить или закрыть собрания или шествия, устраиваемых народными религиозными общинами. Местные власти должны содействовать последним в отношении помещений, их отопления и освещения и других нужд. Законы военного времени или чрезвычайных положений не могут касаться религиозных собраний или шествий свободоверческих общин.

§ 3. Народные религиозные общины имеют право без особых распоряжений собирать средства и приобретать или строить свои собственные молитвенные дома, которые ни при каких условиях не подлежат ни обложению, не реквизиции, ни временному занятию даже военными властями.

§ 4. За членами народных религиозных общин признается право воспитывать детей до их совершеннолетия согласно велениям их совести и веры и потому общины имеют право устраивать и содержать школы и приюты, обслуживая их преподавательским и воспитатель-

ским персоналом из своих единоверцев при самостоятельном заведывании и с преподаванием основ своего вероучения.

§ 5. Народные религиозные общины могут иметь самостоятельные издательства, при чем их религиозные издания не подлежат никаким реквизициям или конфискации.

§ 6. В зависимости от убеждений, члены общин могут освобождаться от военной службы по Декрету 4-го Января 1919 года указанным в нем порядком.

§ 7. Ответственные работники народных религиозных общин, как-то: пресвитера, диаконы и учителя (проповедники), уже работающие и вновь избираемые, имеющие о том удостоверения от своих общин или союзов не подлежат ни военной и никаким другим мобилизациям.

§ 8. Ответственные работники народных религиозных общин при наличии соответствующих удостоверений от своих общин или союзов пользуются правом свободного проезда по всем путям сообщения Республики.

§ 9. Члены народных религиозных общин подчиняются существующим правилам о регистрации браков, рождений и смертей, но общинам предоставляется право совершать свои религиозные действия в связи с ними и не возбраняется вести свои собственные книги гражданского состояния.

§ 10. Заведывание, распоряжение и ликвидация имущественной стороны деятельности общин совершается согласно правилам кооперативных товариществ.

§ 11. Народные религиозные общины имеют право приходить на помощь своим членам выдачей им ссуд и пособий и организацией их продовольствия.

§ 12. Сотрудники в учреждениях народных религиозных общин в отношении продовольствия приравняются ко всем служащим советских учреждений.

§ 13. Народные религиозные общины имеют печать с обозначением своего наименования³⁴.

СОВЕТ ВСЕРОССИЙСКОГО СОЮЗА
ЕВАНГЕЛЬСКИХ ХРИСТИАН:

Председатель: *И. Проханов*

Член: *А. Андреев*

К. Петров

Секретарь: *П. Капалыгин*

P. S. Во внутренней жизни Народные религиозные общины совершенно свободны и не зависимы от Государства.

Никакая власть не может вмешиваться во внутренний распорядок общины или производить на нее желательное для себя давление ни прямо, ни косвенно.

С другой стороны Народные религиозные общины должны быть чужды всякой политики.

ГАРФ. Ф. Р–130. Оп. 4. Д. 286. Л. 15–16.

Машинописный подлинник с незначительной рукописной правкой. Постскрипtum написан от руки. Подписи — автографы. С приложением печати «Совета Всероссийского Союза Евангельских Христиан (ВСЕХ)». Штамп входящей документации Управления делами Совета Народных Комиссаров от 25 сентября 1920 г. за № 10470/б. В левом верхнем углу первой страницы документа сохранились несколько рукописных делопроизводственных помет, сделанных в Управлении делами Совета Народных Комиссаров: 1) «З.э.кз»; 2) «К[омиссариат]. В[нутренних]. Д[ел]»; 3) «К[омиссариат] Ю[стиции]». Первоначально указанный третий адрес — ВЦИК — вычеркнут. Незаверенный текст копии публикуемого документа находится на хранении в НИА ГМИР. Ф. 2. Оп. 16. Д. 164. Л. 5–5 об.

№ 3

Сопроводительная бумага Управделами СНК РСФСР В. Д. Бонч-Бруевича к тексту Докладной записки Совета Всероссийского Союза евангельских христиан в Совнарком РСФСР, направленной на имя наркома юстиции РСФСР Д. И. Курского

14 октября 1920 г.

14/Х 1920 г.

№ 9143

В НАРКОМЮСТ³⁵

ТОВ. КУРСКОМУ.

Псылаю для Вашего сведения докладную записку Совета Всероссийского Союза Евангельских Христиан, подавший его в Совет Народных Комиссаров³⁶. Если Вы найдете нужным что-нибудь отвечать на эту докладную записку, будьте добры ответить непосредственно заявителям³⁷.

УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ

СОВНАРКОМА

Влад. Бонч-Бруевич³⁸.

ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 749. Л. 12.

Машинописный подлинник. Подпись — автограф. На типографском бланке Управляющего делами Совета Народных Комиссаров. Дата и делопроизводственный номер вписаны от руки. Штамп Общей регистратуры Наркомюста за № 15374 от 15 октября 1920 г. Штамп входящей документации VIII отдела Наркомюста за № 1435 от 16 октября 1920 г. Рукописная резолюция заведующего VIII отделом Наркомюста П. А. Красикова: «Ответить, что предоставление прав юридического лица Совету не является целесообразным ни с хозяйственной, ни с политической точки зрения. П.К. 20/Х-20 г.».

№ 4

Из протокола № 264 заседания Коллегии Наркомюста

8 ноября 1920 г.

ПРОТОКОЛ № 264

Заседания Коллегии Народного Комиссариата Юстиции
от 8-го Ноября 1920 года.

Присутствовали: Народный Комиссар Юстиции Д. И. Курский.
Члены Коллегии: П. А. Красиков, Л. А. Саврасов и
М. Ю. Козловский.

СЛУШАЛИ:	ПОСТАНОВИЛИ:
<p style="text-align: center;"><...></p> <p>4. По докладу т. Красикова³⁹ о прошении сектантов в Совнарком о предоставлении, в изменение декрета об отделении Церкви от Государства и школы от Церкви, религиозным общинам прав юридического лица, (права имущественного устройства своих учреждений соц. обеспечения, учебных заведений), права освобождения сектантских священнослужителей от всевозможных мобилизаций, свободного проезда по всем ж. дорогам Республики по командировочным свидетельствам рел. общин, предоставлении типографии и бумаги для издания св. книг, закупки бумаги в Эстонии, освобождений от реквизиций продовольственных продуктов <...></p>	<p style="text-align: center;"><...></p> <p>4. Ходатайства сектантов найти подлежащими отклонению <...></p>

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ЮСТИЦИИ: Д. Курский

ЧЛЕНЫ КОЛЛЕГИИ: П. Красиков

Л. Саврасов

М. Козловский.

ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 4. Д. 444. Л. 140.

Заверенная машинописная копия с незначительной рукописной правкой. Подписи — автографы.

¹ Подробнее см.: *Крапивин М. Ю., Лейкин А. Я., Далгатова А. Я.* Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917-й — конец 1930-х годов). СПб., 2003; *Крапивин М. Ю., Макаров Ю. Н.* Религиозное сектантство в условиях советской действительности (октябрь 1917 — конец 1930-х годов) // Исторические записки. Т. 8 (126). М., 2005. С. 115–150.

² Общеизвестно, что отечественная история не знала реформации. Однако из этого отнюдь не следует, что в России не существовало религиозно-обновленческих движений реформационного типа. Мы имеем в виду христианское сектантство, представлявшее собой более или менее сознательный отход от догматики и обрядового строя господствующей Церкви и попытку создания новых религиозных форм, иногда стоявших значительно ближе к протестантизму, нежели к православию. Эволюция исторических форм сектантства в России была во многом связана с последовательной сменой этапов общественно-экономического развития страны. В результате исторический срок жизни «русского религиозного сектантства», представленного, в первую очередь, двумя главными ответвлениями так называемого «духовного христианства»: духоборцами (духоборами) и отошедшими от них молоканами, оказался весьма коротким: возникнув в XVII в., в конце XIX в. старорусские секты стали уже вытесняться западными пришельцами, которые к русскому сектантству, строго говоря, никакого отношения не имели, а по формам религиозной жизнедеятельности и типу религиозной организации тяготели к структурам церковного типа, и поэтому термины «секта», «сектантство» к ним мало либо вовсе не применимы. Вступая в сложную реакцию взаимодействия и взаимопроникновения с российскими культурными, религиозно-нравственными ценностями и традициями, выходцы с Запада проявляли завидную жизнеспособность саморазвивающегося организма.

На таком историческом фоне в последней трети XIX в. в России началось распространение баптизма (позднее) родственных ему религиозных течений евангельских христиан (далее – ЕХ), адвентистов седьмого дня, вероучительные формулы которых в главных своих моментах совпадали с постулатами европейского протестантизма.

Начальные шаги баптизма в России (включая саму процедуру крещения первой генерации русских баптистов) в полной мере определялись деятельностью немецких колонистов и заезжих западных миссионеров. Однако, получив генетический код от зарубежных проповедников, отечественный баптизм затем обрел собственный внутренний импульс, что позволило ему постепенно, к 1880-м гг., разорвать организационные связи со своими немецкими наставниками. Питательной средой для баптистской экспансии выступало старое русское сектантство, прежде всего, молоканство. Самой логикой развития событий, социально-экономических изменений в стране, инстинктом самосохранения молоканство «влеклось» к усвоению опыта выживания и развития западноевропейского протестан-

тизма. В рамках складывавшихся новых товарно-денежных отношений баптизм становился все более адекватной формой отражения религиозно-духовного самосознания известной части российского общества. Небезынтересно отметить то обстоятельство, что баптизм, преимущественно отражая миропонимание торгово-промышленных слоев общества, в то же время оказывался привлекательным для массы неимущих тружеников. В феномене всеядности баптизма проявилась специфика религии как таковой, которая имеет дело с вечными экзистенциальными проблемами, в определенном смысле выходящими за рамки фиксированных социально-политических границ. Характеризуя процесс поглощения баптизмом своих конкурентов, уместно подчеркнуть, что, захватывая в сферу своего влияния элементы молоканства, духоборчества, христововерия, баптизм испытывал обратное влияние тех традиций, привычек, навыков и иллюзий, которые были свойственны старому русскому сектантству. Влияние старого русского сектантства (в первую очередь, молоканства) сказывалось на идеологии, культе, церковном устройстве первых российских баптистских общин и даже на политических взглядах и симпатиях их руководителей. Именно поэтому вычленение в баптизме (после 1874 г.) отдельной ветви в лице ЕХ в немалой степени шло под флагом очищения баптизма от следов влияния старого русского сектантства (содержательные характеристики евангелизма во многом определялись дворянскими космополитическими элементами, входившими в него и обеспечивавшими его распространение преимущественно сверху, от столицы к провинции: аристократический вариант хождения в народ). Это очищение помогло ЕХ обрести политико-идеологическую маневренность и придать своей организации западноевропейскую выхожденность.

Баптисты и ЕХ (чьи различия восходили к периоду соперничества на Западе так называемых «общих» и «частных» баптистов) весьма существенно отличались не только в догматике, обрядах, но и в принципах организационного построения. Традиционно полномочия объединений протестантских общин на национальном уровне варьировались в достаточно широком диапазоне (от консультационно-информационных функций до реальной власти). Но если баптистское братство исторически складывалось на началах церковности, то евангельские христиане не столько стремились к организационной жесткости внешних форм, сколько к изысканию средств и путей возбуждения религиозного энтузиазма (ЕХ выступали в качестве как бы популистского варианта баптистского учения). Поэтому у баптистов общины являлись самостоятельными, автономными образованиями, определявшими свою текущую деятельность независимо не только от светских властей, но и вышестоящих профессиональных союзов (надобщинных структур). Объединения координировали миссионерскую, просветительскую, благотворительную деятельность, но не осуществляли властных функций. Полномочия «духовной иерархии» ограничивались уровнем первичного сообщества, поместной Церкви. Община ЕХ была более аморфной, рыхлой, потому — более демократичной, но у евангелистов значительно активнее действовали «надстроечные», центральные, координирующие структуры, наделенные дополнительным правом контроля над повседневной жизнью местных объединений.

К концу XIX в. русский баптизм и евангелизм представляли собой вполне сложившиеся во всероссийском масштабе вероисповедные объединения, с глубоко эшелонированным теологическим и организационным обеспечением, что заставляло Православную церковь рассматривать их, вкупе с молоканами, в качестве серьезных конкурентов в борьбе за религиозные симпатии российских граждан. Преследования сектантов со стороны православно ориентированной государственности с перерывами продолжались вплоть до февраля 1917 г. Однако загнанное в подполье сектантское движение, тем не менее, распространялось вширь, продолжая охватывать своим влиянием все новые губернии, тем самым наглядно доказывая, что глубоко религиозная вера неподвластна гонениям. Вместе с тем потребность в обеспечении легализации достигнутых успехов ставила перед баптистами и ЕХ непростую задачу выработки вероучительно убедительной, компромиссной линии поведения между необходимостью демонстрировать свою поддержку монархическому строю и верностью традиционным для протестантизма идеалам свободы и веротерпимости, принципу невмешательства светской власти в религиозную

жизнь (безусловное повиновение законам страны, если таковые не ограничивают свободного исполнения обязанностей веры).

Только после февральской революции 1917 г. лидеры баптистов и ЕХ получили возможность отказаться от вынужденных (по большей части) заявлений в защиту самодержавия и открыто высказаться в поддержку своего традиционного политического идеала — буржуазно-парламентского строя: республика, однопалатный парламент, свобода совести, слова, собраний, неприкосновенность личности, отделение Церкви от государства, свобода перехода из одного исповедания в другое, свобода проповеди для всех конфессий, не противостоящих нормам общечеловеческой морали и не отрицающих государственной власти, предоставление права юридического лица религиозным общинам независимо от их вероисповедной ориентации, недвусмысленное осуждение методов классово-революционного насилия и планов национализации частной собственности. Однако развитие страны пошло иным путем. Октябрь 1917 г. круто изменил жизнь российского общества, а вместе с ней и условия существования членов сектантских общин (Подробнее см.: *Клибанов А. И.* 1) История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1965; 2) Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. М., 1973. С. 9, 10, 13, 29, 41–43, 49, 55, 58–59, 62–63, 66–68, 74–77, 79, 87–106, 108, 113–114, 116–117, 119–122, 131–138; *Митрохин Л. Н.* Баптизм: история и современность. С. 12, 125, 154, 175–176, 183–187, 191–192, 196–210, 222–257 и др.).

³ По результатам переписи 1897 г. было учтено 2 135 738 старообрядцев и сектантов обоего пола. (*Клибанов А. И.* Религиозное сектантство в прошлом и настоящем. С. 146; *Митрохин Л. Н.* Баптизм: история и современность. С. 250). В реальности и тех и других, скорее всего, было значительно больше.

⁴ Научно-исторический архив Государственного музея истории религии (далее — НИА ГМИР). Ф. 2. Оп. 17. Д. 64. Л. 14–15; Ф. 13. Оп. 1. Д. 261. Л. 5–7; Оп. 2. Д. 240. Л. 1–4; Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. Р–5407. Оп. 1. Д. 9. Л. 36–37; Ф. А–353. Оп. 4. Д. 418. Л. 2; Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 32. Д. 142. Л. 15; Ф. 89. Оп. 4. Д. 119. Л. 10; Тринадцатый съезд РКП(б): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 451.

⁵ История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., С. 188–189, 513–514; *Лялина Г.* Баптизм: иллюзии и реальность. М., 1977. С. 25–28, 60–62, 67, 75–78; *Путинцев Ф.* Сектантство и антирелигиозная пропаганда. 3-е изд. М., 1929. С. 5–11; Баптист. 1925. № 4–5. С. 19–21; РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 4. Д. 119. Л. 10, 19; Ф. 17. Оп. 60. Д. 793. Л. 1.

⁶ История евангельских христиан-баптистов в СССР. С. 202–204; НИА ГМИР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 20. Л. 11; Д. 42. Л. 1–12; и др.

⁷ Отчет Всероссийского съезда евангельских христиан баптистов, состоявшегося в Москве с 27 мая по 6 июня 1920 г. М., 1920. С. 10, 17–18, 23–24, 27; Слово истины. 1917. № 12. С. 166–167; 1918. № 7–8. С. 71.

⁸ Благая весть. 1917. № 1. С. 6; Слово истины. 1917. № 12. С. 162, 166–167; № 13–14. С. 180; 1918. № 1. С. 5–6; № 2. С. 19–20; № 3–4. С. 31–34; № 5–6. С. 54–56; 1918. № 7–8. С. 71; 1919. № 1. С. 1; Источник из камня. 1920. № 11–14. С. 2.

⁹ Слово истины. 1918. № 9–12. С. 94.

¹⁰ Слово истины. 1919. № 3. С. 10–11; *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство и современность (социологические и исторические очерки). М., 1969. С. 7, 23, 219.

¹¹ Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее — ЦГА СПб). Ф. 143. Оп. 3. Д. 14. Л. 1–47; Ф. 1000. Оп. 3. Д. 119. Л. 20; НИА ГМИР. Ф. 2. Оп. 17. Д. 56. Л. 1–7; Оп. 24. Д. 17 (без нумерации); Ф. 13. Оп. 1. Д. 263. Л. 22–23; Оп. 2. Д. 245 (без нумерации); Петроградская правда. 1919. 11 ноября; Правда. 1920. 13 февраля; Беднота. 1920. 19 февраля.

¹² НИА ГМИР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 80. Л. 9; Ф. 2. Оп. 16. Д. 181, Л. 1; Оп. 23. Д. 35. Л. 1; Ф. 13. Оп. 1. Д. 157. Л. 3–4; ЦГА СПб. Ф. 151. Оп. 2. Д. 151. Л. 25; Отчет Всероссийского съезда евангельских христиан баптистов, состоявшегося в Москве с 27 мая по 6 июня 1920 года. С. 10, 17–18, 23–24, 27.

¹³ Правда. 1919. 20 июня, 7 авг.; 1920. 13 февр.; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 372. Л. 30–31, 48, 53, 58, 102; НИА ГМИР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 164. Л. 1–8; Д. 167. Л. 26–29; Оп. 2. Д. 506. Л. 1; Революция и церковь. 1920. № 6–8. С. 117.

¹⁴ Декрет от 4 января 1919 г. обозначил круг лиц, нуждавшихся в замене (в силу своих религиозных убеждений) воинской службы другой повинностью, определил продолжительность и характер исполнения этой повинности, узаконил механизм замены. Сроки действительной военной и альтернативной службы между собой не различались. Окончательное решение о необходимости и возможности замены оставалось за народным судом. Экспертиза (к осуществлению которой привлекались и сектантские авторитеты) должна была подтвердить, что «определенные религиозные убеждения исключают участие в военной службе», и «что данное лицо действует искренно и добросовестно». В исключительных случаях речь могла идти о полном освобождении от военной службы без всякой замены ее другой гражданской обязанностью, если могла быть доказана недопустимость такой замены с точки зрения «не только религиозного убеждения вообще, но и сектантской литературы, а равно и личной жизни соответствующего лица». (Революция и церковь. 1919. № 1. С. 29; Собрание узаконений и распоряжение Рабочего и крестьянского правительства [РСФСР] (далее — СУ РСФСР). 1919. № 17).

Гуманистическая направленность Декрета во многом носила прагматический характер (привлекать в действующую армию только проверенный контингент, дабы исключить возможность антивоенной агитации в частях РККА), а всех ненадежных обязывать нести невооруженную службу. Сам факт издания подобного Декрета был рассчитан в первую очередь на укрепление и расширение социальной базы советской власти.

В 1919 – первой половине 1920 г. были освобождены от исполнения воинской повинности по разным данным от 657 до 8 тыс. новобранцев (Приложение к стенографическому отчету XIII съезда РКП(б): Материалы секций и комиссий. М., 1924. С. 83 и др.). Вместе с тем многочисленные военные и военно-судебные инстанции на местах либо вовсе не знали о наличии Декрета от 4 января (в силу откровенного хаоса, царившего в полосе военных действий), либо (и чаще всего) откровенно игнорировали факт его существования. Имели место случаи бесчеловечного обращения с отказниками, вплоть до применения по отношению к ним пыток. «Провинившихся» пороли розгами, заключали в концлагеря, отправляли на принудительные работы сроком до 15 лет, принимали издевательские решения о высылке пацифистов в тыл врага, пускай, дескать, там ведут антивоенную пропаганду (НИА ГМИР. Ф. 2. Оп. 23. Д. 31. Л. 19, 32, 34; Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. № 358), расстреливали как дезертиров (по неполным данным, с декабря 1918 г. по октябрь 1920 г. были расстреляны 72 человека; в 1920–1921 гг. заключен в концлагерь по той же статье 101 человек (ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 4. Д. 416. Л. 40–42; НИА ГМИР. Ф. 2. Оп. 23. Д. 12. Л. 1; Д. 51. Л. 1–5; Ф. 3. Оп. 1. Д. 105. № 256).

¹⁵ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 2. Д. 696. Л. 204, 216; *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство и современность... С. 194; Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (далее — НИОР РГБ). Ф. 369. К. 28. Д. 16. Л. 28–29; К. 37. Д. 2. Л. 33; НИА ГМИР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 3. Л. 25; Оп. 23. Д. 6. Л. 1; Ленинский сборник. XXIV. М., 1933. С. 187.

¹⁶ См. подробнее: *Крапивин М. Ю., Далгатова А. Г.* Сектантский антимилитаризм и проблемы строительства российских вооруженных сил (1918–1939 гг.) // Власть, общество и реформы в России (XVI — нач. XX в.): Материалы научно-теоретической конференции / РГИ СПбГУ; СПбИИРАН (Санкт-Петербург, 8–10 дек. 2003 г.). СПб., 2004. С. 414–450; *Стволыгин К. В.* Альтернативная служба: история и современность. Минск. 1991; *Пчелинчев А. В.* 1) Право на альтернативную службу // Религия и права человека. М., 1996. С. 7–11; 2) Право не стрелять. Альтернативная гражданская служба. М., 1997.

¹⁷ НИА ГМИР. Ф. 1. Оп. 3. Д. 180. Л. 23–25; Ф. 13. Оп. 1. Д. 194. Л. 6–9; РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 803. Л. 84; Архив Управления ФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области (АУФСБ по СПб и ЛО). Фонд уголовных

дел. Д. П-66724. Т. 1. Л. 468–472, 555–557; Д. П-82319. Т. 1. Л. 279, 286; Безбожник. 1925. 8 ноября; Амурская правда. 1927. 24 апреля; Красное знамя. Владивосток, 1928. 15 апреля; Кузбасс. Щегловск, 1927. 4 августа; Тревога. Хабаровск, 1929. 22 декабря; *Путинцев Ф.* Кабальное братство сектантов. М.; Л., 1931. С. 51; *Морозов И. П.* Молокане. М.; Л., 1931. С. 52–54; *Малахова И. А.* Религиозное сектантство в Тамбовской области в послеоктябрьский период и в наши дни // Вопросы истории религии и атеизма. Вып. IX. М., 1961. С. 90–91.

¹⁸ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 35. Д. 29. Л. 1; НИА ГМИР. Ф. 13. Оп. 1. Д. 166. Л. 20; Д. 225. Л. 8; Д. 232. Л. 1; Д. 247. Л. 1; Ф. 2. Оп. 7. Д. 815. Л. 6; Д. 808. Л. 1–6; Д. 820. Л. 3; Д. 828. Л. 1; Оп. 8. Д. 205. Л. 35; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 443а. Л. 14–15; *Клибанов А.* Классовое лицо современного сектантства. Л., 1928. С. 39.

¹⁹ Вестник агитации и пропаганды. 1921. № 16–17. С. 35, 45; 1922. № 1; Известия Юго-Восточного бюро ЦК РКП(б). 1921. № 5 (10). С. 18–19; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 158. Л. 5, 7; Оп. 65. Д. 539. Л. 34; Оп. 84. Д. 231. Л. 37; Оп. 112. Д. 309. Л. 113; Десятый съезд РКП(б) (март 1921 г.): Стеногр. отчет. М., 1963. С. 163; и др.

²⁰ С осени 1918 г. по декабрь 1920 г. число прошений превысило 40 тыс. Стали поступать соответствующие заявления от целых деревень и целых вероисповедных объединений. Тем самым был превышен некий допустимый предел, который власти «считали возможным признавать количественно пренебрежительным в военных интересах». Сопоставление вышеприведенного количества заявлений с числом сектантов (837), осужденных военно-полевыми судами в период Первой мировой войны (даже с учетом роста сектантских рядов за послереволюционный период), убеждало советское руководство в том, что десятки тысяч человек используют Декрет в корыстных целях для уклонения от исполнения своего гражданского долга (*Клибанов А. И.* Религиозное сектантство и современность ... С. 203; Антирелигиозник. 1926. № 4. С. 44; ГАРФ. Ф. Р-5407. Оп. 1. Д. 12. Л. 26; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 509. Л. 136; Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 1: 1922–1923 гг., ч. 1, 2. С. 903).

²¹ НИА ГМИР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. № 800, № 2856; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 416. Л. 66–68, 79, 89 об.; НИОР РГБ. Ф. 648. К. 18. Д. 21. Л. 15, 16, 22–23 и др.

²² Совершенно секретно: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). М., 2001. Т. 2: 1924 г. С. 414; Политбюро и церковь. 1922–1925 гг. / Сост. и комментарии Н. Н. Покровского и С. Г. Петрова: В 2 т. М.; Новосибирск, 1997–1998. Т. 2. С. 447–448; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 161. Д. 13. Л. 17; Гудок. 1927. 2 августа; Правда. 1928. 25 декабря).

²³ НИА ГМИР. Ф. 1. Оп. 8. Д. 45. Л. 5; Ф. 2. Оп. 16. Д. 80. Л. 1; Д. 82. Л. 1; Д. 87. Л. 4–6; Д. 171. Л. 1; Оп. 17. Д. 45. Л. 1–3; Д. 46. Л. 1–2; Д. 57. Л. 11; Д. 267. Л. 23–24; Д. 348. Л. 1–3; Оп. 23. Д. 23. Л. 1–7; Д. 31. Л. 2, 15, 17, 38, 41, 44–45, 47; Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. № 633. № 2945; Ф. 4. Оп. 2. Д. 101. Л. 51–54, 57, 82–85, 114–115, 142, 146, 148, 155; Ф. 13. Оп. 1. Д. 257. Л. 24–25; Д. 263. Л. 2 об., 5, 9, 11, 17; 33; Д. 312. Л. 1–18; ЦГА СПб. Ф. 1001. Оп. 3. Д. 333. Л. 1–2, 4–7; Ф. 143. Оп. 2. Д. 7. Л. 357–359; Правда. 1920. 25 марта; НИОР РГБ. Ф. 369. К. 352. Д. 23. Л. 19–21; Государственный архив Самарской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 515. Л. 7 об.

²⁴ Известия ВЦИК. 1920. 21 декабря; НИА ГМИР. Ф. 2. Оп. 23. Д. 45. Л. 21; Отделение церкви от государства в СССР: Полный сб. декретов, ведомственных распоряжений и определений Верховного Суда РСФСР и др. советских социалистических республик: УССР, БССР, ЗСФСР, Узбек. и Туркм. 3-е изд., перераб. / Сост. П. В. Гидулянов Под ред. П. А. Красикова. М., 1926. С. 209; и др.

²⁵ Во время судебного разбирательства обвинение упрекало сектантов в идейно-религиозной непоследовательности: дескать, не хотят становиться убийцами, и в то же время носят кожаную обувь, а во время пахоты не боятся нечаянно разрезать плугом земляного червяка (НИА ГМИР. Ф. 4. Оп. 2. Д. 121. Л. 1; Ф. 13. Оп. 1. Д. 225. Л. 28; Д. 233. Л. 3, 12).

²⁶ НИА ГМИР. Ф. 2. Оп. 23. Д. 31. Л. 10, 11, 21; Ф. 3. Оп. 1. Д. 7. № 1036; Д. 105. № 255, № 256, 316; Известия ВЦИК. 1919. 24 июля; ГАРФ. Ф. А-353. Оп. 4. Д. 416. Л. 86 об., 93.

²⁷ НИОР РГБ. Ф. 369. К. 169. Д. 1. Л. 2–7 об; *Клибанов А. И.* Религиозное сектантство и современность... С. 231; НИА ГМИР. Ф. 3. Оп. 1. Д. 6. № 3224; Ф. 2. Оп. 23. Д. 13. Л. 1; Д. 23. Л. 1–7; Д. 34. Л. 1; Д. 46. Л. 1–2; Ф. 4. Оп. 2. Д. 101. Л. 170–171.

²⁸ Датируется по содержанию делопроизводственных помет на документе. Текст публикуемых документов передан с сохранением орфографии и пунктуации оригинала. Стилистические особенности сохранены.

²⁹ Всероссийский Союз евангельских христиан. Как уже было сказано, евангельские христиане (далее — ЕХ) — направление в протестантизме, получившее распространение в России в конце XIX — первой половине XX в. Зарождению движения ЕХ в Санкт-Петербурге и на северо-западе Российской империи способствовала проповедь английского миссионера лорда Гренвиля Вальдигрева Редстока, которому удалось убедить в истинности учения евангельских христиан ряд представителей русской аристократии. После выезда проповедника по настоянию властей, руководство движением принял на себя его последователь, отставной полковник гвардии Василий Александрович Пашков. Учениками Редстока была организована миссионерская деятельность среди рабочих Санкт-Петербурга, которая впоследствии была перенесена в Московскую, Тверскую, Тульскую, Нижегородскую, Псковскую и другие центральные губернии России. В 1884 г. под руководством Пашкова был создан объединительный съезд ЕХ. Мероприятие было запрещено полицией, а лидеры движения, включая самого Пашкова, вынуждены были покинуть страну. Тем не менее, общины пашковцев продолжали существовать, и новый этап развития движения связан уже с именем И. С. Проханова, выходца из кавказских молокан.

Проханов Иван Степанович (4/17 апреля 1869 г. — 6 октября 1935 г.) родился в г. Владикавказе Терской области в семье молокан, позднее перешедших в баптизм. В 1885 г. был крещен в веру евангельскую. В 1896 г. становится членом баптистской общины. После окончания Владикавказского реального училища поступает на учебу в Петербургский технологический институт (1888 г.). В столице активно участвует в деятельности движения ЕХ, постепенно занимая в нем лидирующие позиции. После окончания института (1893 г.) поступает на работу (в качестве заместителя директора) на сахарный завод Н. Н. Неплюева в Черниговской губ. (Неплюев — основатель религиозных трудовых братств: его деятельность представляла собой попытку оживить православие). Затем сам организует в Таврической губернии первую в России евангелическую всеобщину (коммуну) «Вертоград». В условиях все усиливавшихся преследований со стороны властей выезжает за границу (1895–1898 гг.): получает богословское образование в Англии (в Бристолье в баптистском колледже и в Лондоне в колледже конгрегационалистов), а также проводит по полгода на богословском факультете Берлинского университета и на факультете протестантского богословия Парижского университета. По возвращении в Россию попадает под негласный надзор полиции. Работает в Риге, с 1901 г. — в Петербурге инженером в фирме «Вестингауз» (до 1921 г.). Становится первым председателем Петроградской общины евангельских христиан. Редактирует и издает около десятка сборников духовных стихов и песен, начинает выпускать периодические издания — христианские газеты и журналы, организует правовую защиту преследуемых общин ЕХ.

В 1909 г., в условиях незадолго до этого провозглашенной в России веротерпимости, в Санкт-Петербурге был проведен съезд, учредивший во всероссийском масштабе Союз евангельских христиан во главе с Советом, председателем которого стал И. С. Проханов. На Втором Всемирном конгрессе баптистов в 1911 г. российский Союз вошел во Всемирный баптистский союз, а Проханов был избран одним из его шести вице-президентов (и занимал этот пост вплоть до июня 1928 г.).

Проханов твердо и последовательно придерживался идеи реформирования социального строя на основе истинного прочтения Св. Писания. Доказывая пагубность и бесполезность методов революционного насилия, он противопоставлял «внешней» революции — «революцию духа». Поэтому основной задачей, которую ставил Проханов перед собой и руководимым им движением, была миссионерская работа среди народов России. Она началась еще в 1902 г. Союз ЕХ поддерживал не менее 600 миссионеров, трудившихся по всей России (включая

районы крайнего Севера) и за рубежом (несколько человек было направлено даже в Индию и Китай). Большое внимание уделял Проханов христианскому образованию. В 1913 г. по его инициативе были открыты библейские курсы проповедников-евангелистов, фактически ставшие первой протестантской богословской школой в России с обучением на русском языке.

Общины евангельских христиан (как в дореволюционное, так и послереволюционное время) управлялись советами, избиравшимися общими членскими собраниями сроком на 3 года. В компетенцию собраний входило также избрание пресвитеров, диаконов и диаконис. Общины объединялись во Всероссийский (позднее — Все-союзный) Союз Евангельских Христиан (ВСЕХ), возглавлявшийся Советом (все должности являлись выборными). Каждая община сохраняла полную независимость от союзных структур во всех внутренних делах (в том числе в вопросах приема и исключения членов). Разъяснения съездов по вопросам практической жизни могли иметь значение лишь «братского совета».

После революции 1917 г. Проханов, несмотря на гибель жены в годы гражданской войны и потерю в 1926 г. сына, продолжал свою многогранную деятельность в качестве руководителя (председателя Совета) ВСЕХ. В мае 1928 г., в условиях все усиливавшихся репрессий против религиозных лидеров, он был вынужден покинуть страну. За рубежом продолжал литературно-публицистическую работу, занимался организацией ВСЕХ, неоднократно бывал в США (последний раз — с конца 1933 г. по июль 1935 г.). Скончался в 1935 г. на территории Германии.

ВСЕХ (как организационная структура) продолжал функционировать в СССР вплоть до начала Великой Отечественной войны, но в условиях гонений, массовых репрессий и перехода многих общин на нелегальное положение это руководство стало номинальным. После ликвидации в 1935 г. Союза баптистов часть его членов вошла в состав ВСЕХ, а в 1942 г. ряд баптистских руководителей официально обратились к руководству ЕХ с просьбой взять сохранившиеся общины баптистов под свою опеку.

³⁰ Первоначально в тексте подлинника вместо слова «жестоких» было напечатано «местных».

³¹ Конституция РСФСР, принятая 10 июля 1918 г., признавала за всеми гражданами полную свободу «религиозной и антирелигиозной пропаганды». Вместе с тем в соответствии с текстом той же Конституции и содержанием соответствующего «Разъяснения» Наркомюста от 1/14 апреля 1920 г., лица духовного звания, как занимавшиеся непроизводительным трудом и извлекающие средства к существованию не из трудового заработка («по общему смыслу рабоче-крестьянского законодательства»), не могли пользоваться всей полнотой гражданских, в частности политических, прав (в том числе избирать и быть избранными в органы государственной власти и управления («даже если они и входят в категории рабочих и служащих...»)) (Церковь и государство по законодательству РСФСР. Сб. узаконений и распоряжений с разъяснениями V отд. НКЮ / Сост. П. В. Гидулянов. М., 1923. С. 43; Советская Конституция: Справочник. М., 1963. С. 149; Революция и церковь. 1920. № 1–3).

³² Принятый Совнаркомом РСФСР 20 января 1918 г. Декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах» (опубликованный 23 января / 5 февраля 1918 г. под названием «Об отделении церкви от государства и школы от церкви») (РГАСПИ. Ф. 19. Оп. 1. Д. 52. Л. 1–6. СУ РСФСР. 1918. № 18. С. 263) являлся инструментом, с помощью которого государство надеялось довести до конца дело очищения общества от ограничений в сфере свободы совести. Вместе с тем, провозглашая светскость государства, подтверждая отмену в обществе любых ограничений и привилегий по религиозному признаку, декларируя общедемократические принципы свободы вероисповедания (включая право быть атеистом) и публично-правового равенства религий, Декрет вводил ряд ограничений (временных, как заявлялось, вызванных политико-идеологическими соображениями революционного периода) в деятельность религиозных объединений. Отныне все церковные и религиозные организации подчинялись общим положениям о частных обществах и союзах и не пользовались никакими государственными субсидиями. При этом они лишались права владеть собственностью и выступать в качестве юридического лица. Все их имущество объявлялось народным достоянием. Здания и предметы, предназначенные для богослужебных целей, по специальному по-

становлению местных органов власти передавались в бесплатное пользование верующим. Проведение обязательных сборов в пользу церковно-религиозных обществ, равно как и использование мер принуждения или наказания со стороны этих обществ по отношению к своим сочленам, не допускалось. Кроме того, религиозные организации теряли контроль над процессом воспитания молодежи и попадали в затруднительное положение в вопросе подготовки новых кадров священнослужителей. Преподавание религиозных вероучений во всех государственных, общественных и частных общеобразовательных учебных заведениях не допускалось. Декрет сохранял за гражданами советской России возможность «обучать и обучаться религии» только «частным образом».

Так как Декрет оставлял открытыми многие существенные вопросы государственно-конфессиональных отношений, 24 августа 1918 г. была принята, а 30 августа опубликована специальная Инструкция Наркомюста РСФСР «О порядке проведения в жизнь Декрета об отделении...» (Известия ВЦИК. 1918. 30 авг.; СУ РСФСР. 1918. № 62. Ст. 685; ГАРФ. Ф. 1235. Оп. 35. Д. 8. Л. 38–39). Инструкция подтверждала, что правами юридического лица церковно-религиозные объединения (любых вероисповеданий) не пользуются. Ведение ими благотворительной и просветительной деятельности, оказание непосредственной помощи и поддержки определенному религиозному культу в смысле содержания духовных лиц или финансирования каких-либо религиозных учреждений категорически воспрещалось. Возможности организованного преподавания основ вероучения (для совершеннолетних) и подготовки кадров священнослужителей чрезвычайно ограничивались. Имущество, которое ко времени издания Декрета находилось в руках «вероисповедных учреждений и обществ», по описи переходило (в двухмесячный срок) в «заведование» местным советам и передавалось в бесплатное пользование инициативным «группам верующих» (так называемым «двадцаткам») из числа местных жителей, которым предоставлялось право самим приглашать (нанимать) членов церковного причта. Именно с этими «группами» религиозных активистов из числа мирян (а не с церковно-иерархическими структурами) государство заключало особый договор об аренде культового имущества, в котором фиксировалась обязанность религиозной общины за свой счет содержать и ремонтировать молитвенные здания (предусматривалась возможность складчины для целей культа). Условия договора предоставляли возможность властям беспрепятственно (во внеслужбное время) проверять наличие и сохранность имущества, а также фактически обязывали членов «двадцаток» следить за тем, чтобы в храмах не распространялась антисоветская литература и не велась антисоветская пропаганда под видом религиозной проповеди. Не предназначенное специально для богослужебных целей имущество церковных и религиозных обществ, а также «бывших вероисповедных ведомств» (дома, земли, свечное производство) подлежало «незамедлительному» изъятию (если этого еще не было осуществлено до момента опубликования Инструкции), «наличные капиталы вероисповедных ведомств» должны были быть приняты в двухнедельный срок. Метрические книги всех исповеданий передавались в губернские отделы ЗАГСов. Строительство новых храмов и молитвенных домов допускалось при условии соблюдения технически-строительных норм и правил. Религиозные церемонии (равно как и нахождение религиозных изображений) в государственных и иных публично-правовых общественных помещениях воспрещались. Проведение религиозных обрядов на улицах требовало заблаговременного письменного разрешения местных советов. Таким образом, Инструкция еще более (по сравнению с текстом Декрета) усиливала ограничительно-запретительную направленность правовых норм, создавая значительные трудности на пути осуществления, либо практически делая невозможным для религиозно-церковных организаций ведение благотворительной, просветительно-педагогической, миссионерской деятельности. Важно подчеркнуть, что нормативные документы подчеркивали игнорировали официальные организационные структуры вероисповедных объединений (в первую очередь, Православной церкви) и исторически сложившиеся особенности их функционирования: Церковь как определенная иерархическая организация (и одновременно духовенство как сословие) ставились, по сути, вне закона. Де-юре допускалось существование лишь отдельных «групп» граждан, объединенных исключительно целями удовлетворения религиозных потребностей, получавших в пользование церковное имущество, ныне числившееся на балансе советов, с предоставлением им полной самостоятельности (по

отношению к официальному церковному руководству) вплоть до выбора духовных руководителей и провозглашения себя автономными церковными обществами (общинами). В июле 1920 г. VIII отдел Наркомюста разъяснял, что представители церковной иерархии не имеют права отдавать никаких обязательных распоряжений, связанных с назначением священников для определенных групп верующих. Заявлялось, что такого рода действия находятся целиком в компетенции самих прихожан. Согласно указанию VIII отдела Наркомюста от 25 августа 1922 г., высшие религиозные иерархические организации не подлежали регистрации со стороны властных структур ввиду отделения церкви от государства (Церковь и государство по законодательству РСФСР. С. 57).

³³ Датируется по содержанию делопроизводственных помет на документе.

³⁴ Совместный циркуляр Наркомюста, Наркомпроса и НКВД от 15.07.1920 г. допускал для религиозных организаций и объединений (как не обладавших правами юридического лица) возможность пользоваться штемпелями, бланками и печатями, выдавать удостоверения, свидетельства только в делах исключительно религиозного характера и категорически воспрещал поступать аналогичным образом при решении вопросов хозяйственного, торгово-промышленного свойства (Церковь и государство по законодательству РСФСР. С. 54).

³⁵ В первые годы советской власти задача контроля над проведением в жизнь Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви в центре и на местах была возложена на сотрудников VIII «ликвидационного» (1918–1922 гг.) отдела Народного комиссариата Юстиции (в 1922–1924 гг. именовавшегося V, «культурным»), который возглавлял П. А. Красиков. Отдел должен был «ликвидировать» административно-управленческие иерархические церковные структуры, сросшиеся с государством, изъять из их ведения не свойственные им, навязанные государством функции, «расчистить общество от феодально-буржуазных ограничений свободы совести», каждодневно бороться с нарушениями законодательства о культурах, с чьей бы то стороны они ни исходили, способствуя установлению государственно-конфессиональных отношений на новой правовой основе. Среди прочего, VIII отдел обязан был помогать соответствующим ведомствам (в частности — ВЧК) в «пресечении контрреволюционной деятельности религиозных объединений».

³⁶ ГАРФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 749. Л. 13–14 об.

³⁷ В тот же день, 14 октября 1920 г., заявление И. С. Проханова в виде машинописной копии была направлено и в Народный комиссариат внутренних дел РСФСР (ГАРФ. Ф. Р–393. Оп. 11. Д. 44. Л. 269–270 об.). Текст сопроводительной записки (№ 9144) на имя Наркома Внутренних дел РСФСР М. Ф. Владимирского слово в слово повторял содержание аналогичной бумаги, отосланной в Наркомюст (ГАРФ. Ф. Р–393. Оп. 11. Д. 44. Л. 268).

³⁸ Бонч-Бруевич Владимир Дмитриевич (1873–1955) был крупнейшим исследователем и знатоком христианского сектантства. Он искренно верил в способность многомиллионных сектантских низов выполнить функцию своеобразного ключа, открывавшего для РКП(б) дверь в деревню, и однозначно высказывался за выработку особого подхода к сектантству, отличного от отношения к явным врагам советской власти из православного лагеря. Заняв после Октября 1917 г. пост Управляющего делами СНК РСФСР (до октября 1920 г.), В. Д. Бонч-Бруевич активнейшим образом использовал свой административный ресурс для поддержки ряда сектантских организаций в их конфликтах с различными советскими структурами. Некоторые сектантские объединения (например, община-коммуна «Трезвая жизнь» И. Колоскова) даже получали (август 1918 — июнь 1919 г.) из рук Владимира Дмитриевича особые «охранные грамоты» на официальных бланках Управделами СНК, предписывавшие должностным лицам оказывать конкретно поименованным сектантским общинам, «многократно выявившим свое сочувствие основным социальным и политическим нововведениям советской власти», всемерное содействие. (НИА ГМИР. Ф. 2. Оп. 17. Д. 1. Л. 1–2; Д. 56. Л. 1–7; Д. 64. Л. 34, 39–40; Д. 65. Л. 1–2; Д. 66. Л. 1; Известия ВЦИК. 1919. 24 июня; и др.). Активная лоббистская политика Бонч-Бруевича достаточно скоро вошла в противоречие с принципами деятельности VIII отдела Наркомюста и не раз приводила к взаимным претензиям и конфликтам. За «выдачу незаконных удостоверений» сектантам Малый СНК 18 июня 1919 г. (по согласованию с В. И. Лениным) даже объявил Владимиру Дмитриевичу строгий выговор (НИА ГМИР. Ф. 2.

Оп. 17. Д. 64. Л. 39). Вместе с тем важно обратить внимание на то обстоятельство, что Бонч-Бруевич весьма неодинаково относился к различным сектантским объединениям. Долгие годы общения с сектантской массой убедили Бонч-Бруевича в том, что будущее обновленной России связано исключительно с радикальными старыми русскими сектами, отколовшимися от православия: молоканами, духоборцами, трезвенниками, новоизраильянами и др. (подобная позиция отвечала настроениям народничества 1860-х гг.). Он заявлял, что вышеперечисленные сектантские объединения совершенно безболезненно усваивают советские законы и органически вливаются (в качестве сельскохозяйственных и промышленных ячеек) в советское хозяйственное строительство, несмотря на то, что их коммунистические воззрения и облечены (в силу исторических условий) в религиозные формы. От советских структур требовалось реальной помощью и конструктивной критикой способствовать тому, чтобы сектантские коллективы укрепляли и развивали (на базе науки и более высокой техники) свои уже практически усвоенные навыки и способы коммунистической организации земледельческого труда. Тем самым решались бы задачи: а) привлечения экономического потенциала сектантских масс для восстановления и осуществления подъема сельского хозяйства, разрушенного войной и политикой военного коммунизма; б) использования результатов деятельности «прогрессивных», коммунистически ориентированных сект в пропагандистских целях в качестве практического примера осуществимости и всесторонней выгоды коммунизма для трудящихся, в смысле распространения опыта коллективного ведения хозяйства. (*Эткинд А. Русские сектанты и советский коммунизм: Проект Вл. Бонч-Бруевича // Минувшее. Вып. 19. М., СПб., 1996. С. 303–306.*)

Что касается баптистов, евангельских христиан, меннонитов, адвентистов и др. протестантских вероисповедных объединений западного происхождения, состав которых характеризовался преобладанием более зажиточных слоев и групп населения, то к их деятельности в советской России В. Д. Бонч-Бруевич относился с большой настороженностью. Возможно, именно поэтому заявление И. С. Проханова он воспринял вполне индифферентно, выполнив лишь функцию передаточной инстанции. Насколько нам известно, с текстом обращения И. С. Проханова не был ознакомлен ни В. И. Ленин, ни другие руководители страны, его содержание не обсуждалось и на заседании Совнаркома.

³⁹ Красиков Петр Ананьевич (1870–1939), из семьи учителя, образование незаконченное высшее. Член РСДРП с 1892 г. С 1908 г. работал помощником присяжного поверенного в Петрограде (вел дела об увечьях). С марта 1918 г. — заместитель Наркома юстиции и председатель Кассационного трибунала при ВЦИК. С мая 1918 г. — член коллегии Наркомата юстиции и одновременно заведующий VIII (позднее — V) отделом Наркомата юстиции (по 1924 г.). Параллельно в 1919–1924 гг. — редактор журнала «Революция и церковь». Небезынтересно в связи с рассматриваемым вопросом отметить, что это именно П. А. Красикову на историческом II съезде РСДРП в 1903 г. Л. Мартов адресовал характерную реплику: «Ваш атеистический авантюризм мне претит».

The All-Russian Union of the evangelical Christians report to the Council of Peoples Commissars of the RSFSR (October 1920)

Published by M. Y. Krapivin

AUTHOR: Ph. D. in History, Professor, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg); mihailkrapivin61@yandex.ru

REFERENCES:

¹ *Krapivin M. Yu., Lejkin A. Ya., Dalgatov A. Ya. Sud`by` xristianskogo sektantstva v Sovetskoj Rossii (1917-j — konec 1930-x godov). St.Petersburg, 2003.*

- ² *Krapivin M. Yu., Makarov Yu. N.* Religioznoe sektantstvo v usloviyax sovetskoj dejstvitel'nosti (oktyabr` 1917 — konec 1930-x godov) // Istoricheskie zapiski. T. 8 (126). Moscow, 2005.
- ³ *Klibanov A. I.* Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody` XIX v. — 1917 g.). Moscow, 1965.
- ⁴ *Klibanov A. I.* Religioznoe sektantstvo v proshlom i nastoyashhem. Moscow, 1973.
- ⁵ *Mitrokhin L. N.* Baptizm: istoriya i sovremennost`. St.Petersburg, 1997.
- ⁶ State Museum of Religion History Archive.
- ⁷ Russian Federation State Archive.
- ⁸ Russian State Archive of Social and Political History.
- ⁹ *Trinadcaty`j s`ezd RKP(b): Stenogr. otchet.* Moscow, 1963.
- ¹⁰ *Istoriya evangel`skix kristian-baptistov v SSSR.* Moscow, 1989.
- ¹¹ *Lyalina G.* Baptizm: illyuzii i real`nost`. Moscow, 1977.
- ¹² *Putincev F.* Sektantstvo i antireligioznaya propaganda. Z-e izd. Moscow, 1929.
- ¹³ *Baptist.* 1925. N 4–5.
- ¹⁴ *Otchet Vserossijskogo s`ezda evangel`skix kristian baptistov, sostoyavshegosya v Moskve s 27 maya po 6 iyunya 1920 g.* Moscow, 1920.
- ¹⁵ *Slovo istiny.* 1917. N 12-14.
- ¹⁶ *Slovo istiny.* 1918. N 1-12.
- ¹⁷ *Slovo istiny.* 1919. N 1, 3.
- ¹⁸ *Blagaya vest.* 1917. N 1.
- ¹⁹ *Istochnik iz kamnya.* 1920. N 11-14.
- ²⁰ *Klibanov A. I.* Religioznoe sektantstvo i sovremennost` (sociologicheskie i istoricheskie ocherki). Moscow, 1969.
- ²¹ Saint-Petersburg Central State Archive.
- ²² *Petrogradskaya pravda.* 1919. 11 November.
- ²³ *Pravda.* 1919. 20 June.
- ²⁴ *Pravda.* 1919. 7 August.
- ²⁵ *Pravda.* 1920. 13 February.
- ²⁶ *Pravda.* 1920. 25 March.
- ²⁷ *Pravda.* 1928. 25 December.
- ²⁸ *Bednota.* 1920. 19 February.
- ²⁹ *Revolyuciya i cerkov`.* 1920. N 1-3, 6–8.
- ³⁰ *Sobranie uzakonenij i rasporyazhenie Rabocheho i krest`yanskogo pravitel`stva.* 1919. N 17.
- ³¹ *Prilozhenie k stenograficheskomu otchetu XIII s`ezda RKP(b): Materialy` sekcij i komissij.* Moscow, 1924.
- ³² Manuscript Department of Russian State Library.
- ³³ *Leninskij sbornik.* XXIV. Moscow, 1933.
- ³⁴ *Krapivin M. Yu., Dalgatov A. G.* Sektantskij antimilitarizm i problemy` stroitel`stva rossijskix vooruzhenny`x sil (1918–1939 gg.) // *Vlast`, obshhestvo i reformy` v Rossii (XVI — nach. XX v.): Materialy` nauchno-teoreticheskoy konferencii / RGI SPbGU; SPb II RAN* (Sankt-Peterburg, 8–10 dek. 2003 g.). St.Petersburg, 2004.
- ³⁵ *Stvolynin K. V.* Al`ternativnaya sluzhba: istoriya i sovremennost`. Minsk. 1991.
- ³⁶ *Pchelincev A. V.* Pravo na al`ternativnyu sluzhbu // *Religiya i prava cheloveka.* Moscow, 1996.
- ³⁷ *Pchelincev A. V.* Pravo ne strelyat`. Al`ternativnaya grazhdanskaya sluzhba. Moscow, 1997.
- ³⁸ Saint-Petersburg and Leningrad region FSB department archive.
- ³⁹ *Bezbozhnik.* 1925. 8 November.
- ⁴⁰ *Amurskaya pravda.* 1927. 24 April.
- ⁴¹ *Krasnoe znamya.* Vladivostok, 1928. 15 April.
- ⁴² *Kuzbass.* Sheglovsk, 1927. 4 August.
- ⁴³ *Trevoga.* Khabarovsk, 1929. 22 December.
- ⁴⁴ *Putincev F.* Kabal`noe bratstvo sektantov. Moscow - Leningrad, 1931.
- ⁴⁵ *Morozov I. P.* Molokane. Moscow - Leningrad, 1931.
- ⁴⁶ *Malakhova I. A.* Religioznoe sektantstvo v Tambovskoj oblasti v posleoktyabr`skij period i v nashi dni // *Voprosy` istorii religii i ateizma.* Vy`p. IX. Moscow, 1961.
- ⁴⁷ *Klibanov A.* Klassovoe lico sovremennogo sektantstva. Leningrad, 1928.

-
-
- ⁴⁸ Vestnik agitacii i propagandy'. 1921. N 16–17.
- ⁴⁹ Vestnik agitacii i propagandy'. 1922. N 1.
- ⁵⁰ Izvestiya Yugo-Vostochnogo byuro CK RKP(b). 1921. N 5 (10).
- ⁵¹ Desyat'j s`ezd RKP(b) (mart 1921 g.): Stenogr. otchet. Moscow, 1963.
- ⁵² Antireligioznik. 1926. N 4.
- ⁵³ Sovershenno sekretno: Lubyanka — Stalinu o polozenii v strane (1922–1934 gg.). Moscow, 2001. T. 1-2.
- ⁵⁴ Politbyuro i cerkov`. 1922–1925 gg. / Sost. i kommentarii N. N. Pokrovskogo i S. G. Petrova: V 2 t. Moscow-Novosibirsk, 1997–1998.
- ⁵⁵ Gudok. 1927. 2 August.
- ⁵⁶ Samara region State Archive
- ⁵⁷ Izvestiya VCIK. 1918. 30 August.
- ⁵⁸ Izvestiya VCIK. 1919. 24 June.
- ⁵⁹ Izvestiya VCIK. 1919. 24 July.
- ⁶⁰ Izvestiya VCIK. 1920. 21 December.
- ⁶¹ Otdelenie cerkvi ot gosudarstva v SSSR: Polnyj sb. dekretov, vedomstvenny'x rasporyazhenij i opredelenij Verhovnogo Suda RSFSR i dr. sovetskix socialisticheskix respublik: USSR, BSSR, ZSFSR, Uzbek. i Turkm. 3-e izd., pererab. / Cost. P. V. Gidulyanov Pod red. P. A. Krasikova. Moscow, 1926.
- ⁶² Cerkov` i gosudarstvo po zakonodatel`stvu RSFSR. Sb. uzakonenij i rasporyazhenij s raz`yasneniyami V otd. NKYU / Sost. P. V. Gidulyanov. Moscow, 1923.
- ⁶³ Sovetskaya Konstituciya: Spravochnik. Moscow, 1963.
- ⁶⁴ *Etkind A.* Russkie sektanty' i sovetskij kommunizm: Proekt VL. Bonch-Bruevicha // Minushee. Vy'p. 19. M., SPb., 1996.